

Вынесенный в заголовок вопрос вовсе не так прост. Борис Леонтьевич Горбатов прожил яркую, хотя и короткую жизнь. Да и жить ему выпало во времена исторических перемен, с грандиозными победами и отталкивающими трагедиями первой половины XX века. Были неизбежны противоречия, столкновения мнений, оценок. Разумеется, всё это вовсе не исчезло после смерти Горбатова. Наоборот, крах традиционных ценностей после катастрофы 1991 года, ожесточённая западная пропаганда, обрушившаяся, кроме всего прочего, и на виднейших русских писателей советского периода – всё это заслоняло его индивидуальные черты не меньше, чем до крайности формализованные «партийные» литературоведческие подходы к личности и творчеству Бориса Горбатова.

Вот потому и вышло, что Борис Горбатов затерялся за противоречивыми оценками, согласно которым он объявлялся то верным певцом социалистического реализма, идеино выражавшим партийные указания в своих произведениях; то бездарным литературным функционером, чуть ли не несущим ответственность за всех репрессированных в Союзе писателей СССР. И первая, и вторая **оценка** исключительно идеологизированы, они несут смысл, абстрагированный, оторванный от творчества и личности Бориса Горбатова, а значит, не являются объективным фактом.

Хуже – только мутные в своей предвзятости воспоминания второй жены Горбатова, актрисы Татьяны Окуневской, написанные лишь с одной целью – унизить и оскорбить память о Горбатове. Впрочем, Окуневская в этих воспоминаниях попытала очернить и многих других современников, что даёт повод считать написанное ею своеобразным подражанием «Роману без вранья» Мариенгофа, в котором, как известно, нет ни одного слова правды. Дочь Окуневской Инга Суходрев называла свою мать одним из великих мистификаторов XX века.

Но сохранились произведения Бориса Горбатова, многочисленные воспоминания о нём. Прикосновение к ним счищает много наносного, от чего образ писателя и доброго, отзывчивого и честного человека проступает яснее и четче.

Так каким же он был, писатель Борис Горбатов?

Как это ни странно, но прозаик и сценарист Борис Горбатов в юные годы был поэтом. И хотя его литературный дебют начался с публикации рассказа «Сытые и голодные» в газете «Всесоюзная кочегарка», но, судя по всему, первыми литературными опытами его были стихотворения.

«Был скрытный. Писал стихи, о которых мы даже не знали. Обнаруживали их, когда он переодевал брюки. Тут начиналась выгрузка бумаг: и стихи, и всякие наброски, и письма рабкоров...», – вспоминала об этом мать писателя Елена Горбатова.

Может быть, любовь к поэтическому слову родилась у него под влиянием народных песен, которые он с детства слышал и в Петромарьевке (сейчас – Первомайск), и в Бахмуте (сейчас – Артёмовск). По воспоминаниям матери, уже в самом раннем детстве он их запоминал и пел: «Ему был год и пять месяцев, а он уже пел песни... Песни он слышал на улице...»

Со стихотворениями Борис Горбатов выступил в донбасской печати позже, чем в прозе. Но нужно учесть, что его первый рассказ был опубликован, когда Горбатову не исполнилось и 14 лет. В дальней-

шем он широко публикуется в Донбассе, пишет очерки, рассказы и стихотворения. Энергичность Бориса Горбатова выдвинула его в ряду донбасских писателей, он становится одним из руководителей литературного объединения пролетарских писателей «Забой», сыгравшего значительную роль в литературном процессе Донбасса 20–30-х годов XX века. Горбатов стал одним из двигателей «Забоя», ведя за собой даже более старших литераторов.

Стихотворения Бориса Горбатова были написаны в духе своего времени, в них ощущались не только задор и опьяняющий оптимизм 20-х годов, но и определенное экспериментаторское лихачество. Ориентиром явно служили стихотворения русских футуристов (прежде всего Владимира Маяковского). Также легко угадывается влияние ещё одного мастера дум поколений 20-х годов – Эдуарда Багрицкого, с его романтикой

свободолюбия и сочностью образов.

В конце 20-х годов Горбатов, уже получивший всесоюзную славу после издания повести «Ячейка», приезжает в Москву. Здесь он выступает на литературных вечерах с чтением собственных стихов. В Хамовниках, на одном из таких вечеров, он знакомится с писателем и журналистом Борисом Галиным.

«Я сразу запомнил его: стройный, с густой копной темных волос, узкими серыми глазами, быстрый в речи артемовский хлопец. Он писал в то время стихи, и, что особенно поразило меня, стихи были какие-то «разбойные».

Конь да пика...
Гикнул дико –
Пику в руки,
И даешь!», –

вспоминал Борис Галин.

И тут же Галин даёт подробный портрет Горбатова: «Он ходил в высоких сапогах, носил рубашку из белого полотна с украинским узором по вороту, во всей его ладной фигуре было что-то живое, бодрое, энергичное. Он писал их, свои мятежные стихи, на чердаке дома в Краматорской – там Горбатов, ученик строгальщика, жил с заводскими ребятами одной коммуной – «коммуной номер раз», как он, бывало, с весёлой усмешкой говорил. В стихах восторженно воспевались мир, завод, ветер, будни, солнце – всё то, что юноша видел вокруг».

В это время юношеского максимализма Борису Горбатову, конечно же, верилось, что всё можно осилить, можно преодолеть любую преграду, изменить мир. «Глядя на него, невольно думалось: этот, кажется, всё сможет!», – описал этот передающийся огонь энергии Борис Галин.

Во второй половине 20-х годов, согласно распространённой легенде, произошел случай, который навсегда оттолкнул Горбатова от сочинения стихотворений. Молодой поэт, уже уверенно прозвучавший в общесоюзной периодике, обращается в Москве за советом к высшему для себя авторитету – самому Владимиру Маяковскому. Поэт изучил стихотворения Горбатова и якобы вернулся с исчерпывающей и убийственной формулировкой: «Одна строчка понравилась: «Я – рабочий».

Борис Горбатов понял её исключительно четко. Он уезжает в Донбасс, бросает писать стихотворения и все силы отдаёт прозе. «Это были, ей богу, мудрые решения. По-моему, они мне спасли мою творческую жизнь», – напишет позже в своей автобиографии Борис Горбатов. Но разве можно сказать «Нет!» поэтизированному восприятию жизни? Поэтическому отражению действительности? Безусловно, можно прекратить писать стихотворения, но тогда поэзия прольется в прозу.

И если обращаться к прозе Горбатова, то, конечно же, мы найдём множество примеров опоэтизированной действительности, понятой и описанной поэтом. Для примера приведу один только небольшой фрагмент – начало знаменитой повести Горбатова «Непокорённые»: «...Тяжело ступали заморенные кони; держась за лафеты пушек, брели серые от пыли солдаты – всё на восток, мимо Острой Могилы, на Краснодон, на Каменск, за Северный Донец... А всё вокруг было объято тревогой, наполнено криком и стоном, скрипом колёс, скрежетом железа, хрюплой руганью, воплями раненых, плачем детей, и казалось, сама дорога скрипит и стонет под колёсами, мечется в испуге меж косогорами...»

Столь же поэтизировано звучит проза Бориса Горбатова и во многих других его произведениях, особенно в «Обыкновенной Арктике» и романе «Донбасс». Да и в публицистике Горбатова, столь тесно переплетенной с его прозой, мы находим явные приёмы и образы гражданской лирики.

Время всегда накладывает отпечаток на личность человека. И тектонические сдвиги в общественной жизни России 20-30-х годов нашли своё отражение в личности Горбатова. Не отсюда ли его неуемная энергичность, жизнелюбие, романтический оптимизм? Не отсюда ли ориентировка на коллективное, общественно значимое, в ущерб индивидуальному и эгоистичному?

Ведь Борис Горбатов горел искренней верой в те колоссальные преобразования, которые происходили в то время в России. Начинающиеся тридцатые годы он называл не иначе как Великой Стройкой, Великим Севом. Да, он был коммунист. Но осуждать за это его – бессмысленно и неразумно, это нужно принять как объективный факт его биографии, во многом определивший его творчество.

Нужно помнить и о другом – весьма существенном – факте из его биографии. Ведь репрессии 37-го года коснулись и его семьи, его лично. Был репрессирован брат Горбатова Владимир, один из руководителей комсомола Луганска. В той или иной степени репрессии коснулись десятков его друзей молодости и детства, под репрессии попали и первая жена писателя Александра Ефремова, и вторая (гражданская) жена Татьяна Окуневская.

А ведь Горбатов не мог оставаться безучастным к судьбам своих близких. Сохранились воспоминания писательницы Галины Серебряковой, репрессированной в 1936 году и оказавшейся в ссылке как «жена врага народа»: «Вежливо он [следователь] предложил мне сесть и начал допрос. Потом, сощурив глаза, внезапно сказал: — Что вы знаете о Борисе Горбатове? Какие у него с вами контрреволюционные дела? — Ошеломлённая, я ответила, что ничего о нём не слыхала многие годы, но не сомневаюсь, что Горбатов как был, так и остался преданным партии и советской власти человеком, безупречной честности и чистой души. В тот момент я забыла, что моя похвала могла быть тоже опасной. Что я из касты неприкасаемых. «Зачем, однако, меня спрашивают о нём? Неужели он арестован?» — мысленно мучалась я. Всё постепенно разъяснилось во время допроса. Борис Горбатов был на Пленуме казахского Союза писателей. Зная, что я в то время находилась после отбытия срока в лагерях, на высылке в Семипалатинске, он решил мне помочь. Осталось неизвестным, с кем именно отправил он записку, в которой предлагал мне деньги, спрашивал, как я живу, в чём я нуждаюсь. Записку эту я не получила и ничего о ней не знала. Она была передана в карательные органы, и Горбатова заподозрили в связи с «прокажёнными». Я резко и твёрдо отбила обвинение, которое ему готовилось. А вернувшись в камеру, долго не могла преодолеть волнение и тревогу. Опасения мои, к счастью, оказались неосновательными. Горбатов избежал каких-либо неприятностей. Когда я в 1956 году очутилась в Москве и была реабилитирована, когда началась моя вторая жизнь, Бориса не было уже в живых. Так и не пришлось рассказать ему, как много сил влив он в мою душу своим неосмотрительным, смелым и добрым поступком. Он укрепил мою веру в людей, а значит — в справедливость и счастливое будущее».

Удивительно ли, что тучи сгустились и над самим Горбатовым? Он потерял работу, от него отвернулись многие московские друзья, из тех, кто всегда держит нос по ветру. И в это время Борис Горбатов работает над одной из самых сильных своих книг – сборником очерков и рассказов «Обыкновенная Арктика». «Обыкновенную Арктику» Горбатов писал, ожидая ареста, исключения из партии, словом, под угрозой расправы. Связано это было с судьбой его среднего брата — одного из руководителей донбасского комсомола, арестованного и расстрелянного в 37-м за связь с троцкистами. Кому как не старшему брату было ясно, что все эти обвинения беспочвенны и лживы, но... До «разрыва сердца» было еще далеко, но надорвал он его именно тогда, когда личное, маленько, вошло в неотменимое противоречие с большим и всеобщим», – написал позже сын Константина Симонова Алексей.

Нужно сказать, что Горбатов материал для своей книги взял не умозрительный, его познания Арктики были не мимолётными, не поверхностными. Да и не только Арктики – ведь Горбатов, работая в 30-е годы в «Правде», спецкором объездил многие стройки СССР: родной Донбасс, Урал, Бодайбо, Командоры, Диксон. А в Арктике ему довелось провести не день, не месяц, а зимовку – практически год. «Куда бы ни занесла его писательская, корреспондентская судьба, всюду Горбатов находил общих знакомых, друзей. Он с каким-то радостным удивлением оглядывал страну, как бы охватывал её всю единым взглядом – от моря и до моря, представлял себе родной мир одним дружным землячеством или, как он однажды выразился, артелью хороших ребят», – написал в воспоминаниях о Горбатове Борис Галин. В те времена всеобщей стройки, напряжения всех сил, и Борису Горбатову передался мощный импульс напряжения. Он жил в строю, он принял это не просто как неизбежную данность, он принял это как стихию своего существования. Это отразилось и на его мировоззрении, и на общем укладе жизни. В быту, как вспоминают и многие его друзья, и первая жена Александра

Ефремова (с ней он вступил в брак в Рязани летом 1928 года), он сохранял приметы походной жизни: минимальное количество личных вещей, одежды, предметов обихода. Многим казалось, что он совершенно неспособен обустроить свой быт. Может быть, но, с другой стороны, он избавлялся от этого лишнего быта, сбрасывая его как мешающий мобильности балласт.

Тридцатые годы наполнены важными для его биографии событиями. Это и служба в Красной Армии (он служил на советско-турецкой границе в Грузии), и громкая «неудача» с повестью «Нашгород», и отчаянная жизнь скитальца-собкора «Правды», и развод с первой женой, репрессии против стольких близких ему людей.

Повесть «Нашгород» является попыткой осмыслить и понять многие процессы общественной жизни в советской глубинке. Эта повесть – чуть ли не единственное в то время литературное произведение, в котором писатель пытается изобразить морально-психологическое разложение управлеченческих советских органов. Смело, остро, правдиво Горбатов изображает то, что начинает поражать раковой опухолью партийные и административные структуры в СССР. Повесть построена на судебном «артемовском деле» и чрезвычайно достоверна. Но именно эта достоверность сыграла против Горбатова: о такой «советской действительности» писать было недозволено. «Судьба следующей повести «Нашгород» оказалась куда менее счастливой. Потускнели идеалы героев «Ячейки», распад и разложение настигло шахтерский комсомол — и этот процесс жёстко и недвусмысленно отразился в «Нашгороде». За что и получил Горбатов полной мерой и от критики, и от партийного руководства. Больше «Нашгород» не издавался, в собрание сочинений не входил», – написал Алексей Симонов.

«Нашгород» был запрещен, книгу изъяли из продажи и библиотек. И по сей день она остаётся библиографической редкостью. Сам Борис Горбатов принял разгром «Нашгорода» так, как принимает указания командира военнослужащий: без обсуждений. При жизни он не пытался «реанимировать» повесть, согласившись на её забвение.

Таков был дух того жесткого времени. И Борис Горбатов воспринимал себя в одном строю со своими согражданами, «в обойме». Может быть, именно из этого проистекает его удивительная любовь к армии. Он не располагал богатырским здоровьем, было слабым зрение. Имел он возможность и избежать службы в Красной Армии. Но это не соответствовало его убеждениям, и поэтому он идёт служить по призыву, служит в Кавказском горнострелковом полку. Становится офицером, помощником начальника штаба полка по разведке. Участвует в освободительном походе Красной Армии в Западную Беларусь (1939), после – в советско-финской войне, участвует в боях под Выокси-Вирта на «линии Маннергейма».

«Он любил армию, любил военное дело, гордился своим воинским званием», – вспоминал о Горбатове журналист Мартын Мержанов, с которым они сдружились, работая во фронтовых газетах Великой Отечественной войны.

С первых дней Великой Отечественной войны Борис Горбатов на фронте. Он уже имеет большой жизненный и газетный опыт, прошел закалку на войне. Ему доверяют работу не только во фронтовых газетах, его корреспонденции широко публикуются в «Правде». Борис Горбатов в это время сполна отдаёт себя служению Родине. За это время вышли сотни его корреспонденций, очерки и рассказы, знаменитая повесть «Непокорённые». Благодаря Горбатову народы СССР и весь мир узнали о чудовищном изобретении цивилизованных «объединителей Европы» – лагере смерти «Майданек».

В эти годы пишутся, пожалуй, одни из самых знаменитых произведений Бориса Горбатова: «Письма к товарищу» и повесть «Непокорённые».

«Письма к товарищу» искренни до предела... Именно поэтому такой силой дышат эти бесстрашные, нежные, добрые страницы, написанные человеком тоже нежным, тоже добрым, тоже бесстрашным перед лицом испытания войной», – считал Константин Симонов. По его мнению, они являются вершиной публицистики в годы Великой Отечественной. Повесть «Непокорённые», написанная «по горячему», на материалах только освобождённого от гитлеровцев Ворошиловграда (Луганска), стала ёмким гимном мужеству и свободолюбию родных Горбатову жителей Донбасса. Как актуально это теперь, когда Донбасс столкнулся с украинской агрессией, чудовищным натиском киевского режима, обрушившего кулаки украинских националистов на Горловку, Донецк, Мариуполь, Луганск, Стаханов...

На фронтах Великой Отечественной войны происходит сближение Горбатова и Симонова. «Там же, на войне, они сошлись с моим отцом. Первое упоминание о Борисе Горбатове встречается в отцовских военных дневниках сорок первого года», – указывает сын Симонова Алексей. По мнению Алексея,

между писателями сложились необыкновенно близкие «...удивительные отношения, каких я у отца ни с кем не видел. Горбатов был его самым близким, самым личным, самым по-юношески горячим другом. Борис Леонтьевич был на семь лет старше отца, но в этой братской дружбе старшим братом был отец. И как меньшего брата отец его опекал и заботился о его здоровье, о его работе».

Эти теплые отношения сохранялись на протяжении всей их жизни. И прекратились лишь тогда, когда прекратили биться их сердца – Бориса Горбатова в 1954, а Симонова – в 1979 годах. До самой своей смерти Константин Симонов заботился о сохранении памяти о Горбатове. Воспоминания Симонова легкими штрихами передают потрет Горбатова, много пережившего, много потерявшего, но сохранившего доброту, жизнерадостность, оптимизм.

Хрестоматийной стала такая зарисовка Симонова о посещении Горбатова в Донецке: «Я заехал в Донецк, к Горбатову, ненадолго, на три дня, по дороге на юг, в Сухуми, и завтра утром мне предстоит ехать дальше.

– Ничего вы не понимаете в природе, – говорит Горбатов.

– Кто это – мы?

– Все вы, теряющие лучшее время года на поездки в Крым и на Кавказ. Ты первый.

Мы сидим около горбатовского щитового домика на вынесенных из комнаты стульях, я маюсь от жары, а он, развалившись, сняв ботинки, носки и поставив на раскаленную землю босые пятки, совершенно очевидно наслаждается донбасской жарой, – как мне кажется, отчасти искренне, а отчасти поддразнивая меня.

– Ну что там, на твоём Кавказе? – говорит он. – Горы да море. И больше ничего. А тут! Шахты, терриконы, степь, садки, садочки, реки, раки, пиво. Здесь пыль – и то вкусная».

В это послевоенное время Горбатов задумал написать роман-эпопею о родном Донбассе, для погружения в материал, языковую стихию, он летом живёт в Донбассе, преимущественно – в Сталино, совершая частые поездки и в другие города. Но силы Горбатова были подорваны, истощены, здоровье расшатано. Выручал оптимизм и юмор, но одним юмором не вылечишь больное сердце... Роман «Донбасс» оказался недописанным, свет увидела только первая часть, а также несколько глав из второй части, написанных лирично и пронзительно.

А мог ли он иначе писать о Донбассе? Горбатов искренне любил родную донбасскую землю. А ведь в те годы она была куда менее комфортна. Но всё же чистое и сильное чувство к Донбассу он пронёс через всю жизнь. Даже в московский период жизни он приезжал в Донбасс не раз в пятилетку, лишь бы отметиться. Константин Симонов считал, что Донбасс навсегда остался для Горбатова родным домом и наоборот, это из Донбасса Горбатов ездил «пожить гостем» в Москву, на Урал, в Арктику.

В своих письмах, очерках, статьях Борис Горбатов «родными» называет сразу несколько населенных пунктов Донбасса. Это и Первомайск, в котором он появился на свет, и город его детства и юности Артёмовск, и Краматорск, и Луганск, и горняцкую столицу Сталино (сейчас – Донецк).

Друг молодости Горбатова С. Савельев, с которым они поддерживали связь на протяжении всей жизни, приводит строки одного фронтового письма Бориса Леонтьевича: «Тебе будет любопытно узнать, кстати, что эти строки пишутся в Луганске. А несколько часов тому назад я специально остановил свою машину на Первомайском руднике и заставил моих спутников выйти из неё и, чтобы «поклониться» хатёнке, в которой я родился». Здесь интересно не только смесь старых-новых названий родных мест (ведь Луганск в те времена был Ворошиловградом), но и особый акцент на лично значимое и понятное только адресату. Это не только географические названия, они – часть жизни, наполненной драгоценными воспоминаниями.

После уничтожения СССР в чести стали совсем иные писатели. Патриотизм, абсолютно естественная любовь к Родине были оболганы и загажены. Конечно, в таких «новых условиях» творчество Бориса Леонтьевича Горбатова было не нужно ни России, ни уходящей в пещерный национализм Украине. Даже в родном Донбассе Горбатов полузабыт.

Алексей Симонов, один из немногих, кто пытается добрым словом напомнить миру о Борисе Горбатове, написал такие вот горькие строки о состоянии памяти о Горбатове: «Я бываю там, в этой квартире № 100 на Беговой, в доме, на фасаде которого висит мемориальная доска, где Г и В в фамилии Горбатов давно и безнадежно стерлись. Так «орбато» сложились и его литературная судьба, и память о ней».

Очень хочется верить, что в молодых республиках Донбасса наследие Бориса Горбатова окажется востребованным потомками непокорённых земляков.